

Об этой певице я впервые услышала три года назад. Тогда Большой театр выпускал премьеру «Орлеанской девы». Заглавную партию во втором составе пела Ирина Удалова. Имя дебютантки не было мне знакомо, в то же время начинающей певице с Иоанной не справиться. Кто же она? Откуда и как попала в Большой? Думаю, что теперь этими вопросами задаются многие зрители, видевшие и слышавшие Удалову не только в «Орлеанской деве», но и в «Младце», где она поет Войславу, в «Пиковой даме» (Лиза), в «Сказании о невидимом граде Китеже» (Феврония), в «Бале-маскараде» (Амелия). Об этом при встрече и спросила я в первую очередь солистку Большого театра Ирину Григорьевну Удалову. Вот что она рассказала:

Удаловы из Большого

— **Р**ОДИЛАСЬ я в Николаевске-на-Амуре. Папа служил на Дальнем Востоке. Там и встретил мою маму. Когда мне было шесть лет, родители переехали на Кубань, на родину отца. И до восемнадцати лет я росла на кубанских просторах. Потом был Кишинев, где окончила сначала музыкальное училище, а следом институт искусств.

В училище познакомилась с Юрием Удаловым, на втором курсе института поженились. Вместе поехали в Ашхабадский театр оперы и балета, где проработали семь лет солистами.

— Почему с положения ведущей солистки Ашхабадского театра вы перешли в стажерскую группу Большого театра — это не совсем равноценные ступени? Представляю, каково было вам, уже сложившейся певице, в репертуаре которой были и Татьяна, и Иоланта, и мадам Баттерфляй, и Недда из «Паяцев», каково было вам петь всех этих мамок-нянек-тетюшек. Душа-то жаждала совсем иного, да и возможности позволяли.

— Да, это было нелегко. Но я не считала стажерскую группу шагом назад. Она дала мне очень многое. И прежде всего уверенность в том, что я могу петь в Большом. Ведь акустика его зала специфична, не всем уютно на этой сцене. У кого-то голос летит в зал, у кого-то нет. Именно в период стажировки это и можно проверить.

Конечно, у меня был выбор после того, как прошла по конкурсу: либо стать стажером, либо вернуться и ждать вызова в труппу солистов. Но я по горькому опыту знала, что подобные вызовы в Ашхабад либо приходили слишком поздно, либо вообще не приходили. А в Большом хотелось петь, очень хотелось...

...От себя скажу, что стажировка не дает для этого никаких гарантий. По ее окончании певец может вернуться, как говорится, откуда пришел. Ирине постоянно намекали на это, подчеркивали, что soprano театру не нужны, что ее пребывание в этих стенах временно и случайно. Даже предлагали «устроить» солисткой на радио — лишь бы удалить сильную конкурентку из театра. Но она уже была «отравлена» сценой и не представляла себе жизни без Большого театра. И надеяться ей было не на кого — только на себя, на свои силы, здоровье, поддержку, терпение. Да, у нее был замечательный голос, отличные сценические данные. Но кто думает, что это главные, решающие факторы, тот не знает театральной жизни.

Когда ее собирались перевести в труппу, предупредили: хотите работать в Большом, соглашайтесь на все условия, которые вам предложат. А этими условиями было все то же — петь мамок-нянек, о глав-

ных партиях забыть. И она согласилась, согласилась во имя будущего. Ведь давно замечено, что человек живет прошедшим и будущим, настоящее кажется ему наименее важным.

С назначением главным дирижером Александра Николаевича Лазарева в театре словно подул свежий ветер — началось обновление,

омолаживание труппы. Этим ветром сдвинуло с «мертвой точки» и Удалову. Она была назначена на партии Татьяны в «Евгении Онегине», Елизаветы в «Доне Карлосе». (Татьяна состоялась тогда же, Елизавету она так и не спела — спектакль сняли с репертуара. Но главное — певица получила возможность показать, на что она способна. И началось ее утверждение в главных партиях. Каждую она считает огромным событием, к каждой готовится терпеливо и трепетно.

26 марта в опере Дж. Верди «Бал-маскарад» Ирина Удалова впервые на сцене Большого исполнила партию Амелии. Ее появление в этой роли не прошло незамеченным. Почти каждый выход сопровождался аплодисментами. В следующем спектакле успех был закреплен. Я попросила певицу подробнее рассказать об этом своем дебюте — ведь он пришелся на спектакль особый, юбилейный, посвященный 30-летию творческой деятельности другого замечательного солиста Юрия Мазурка.

— Я была счастлива встретиться на сцене с мастерами старшего поколения Юрием Антоновичем Мазурком, Зурабом Лаврентьевичем Соткилавой — подлинными звездами нашего театра. И я безмерно счастлива, что моя Амелия наконец родилась. «Вынашивала» я ее очень давно и к началу нынешнего года «перехаживала»...

Еще семь лет назад мне представилась возможность исполнить эту роль, заменив внезапно заболевшую

певицу. Партия была хорошо знакома по работе в Ашхабаде. И вот прослушивание: я поставила ноты второй арии Амелии — ее прощание с сыном, — пою и чувствую, что голос мне не подчиняется. Сказалось нервное напряжение того непростого для меня времени: шаткость стажерского положения, отсутствие близкого человека — мужа, работавшего тогда в Кишиневе. Ну и, конечно, неважная вокальная форма. Ведь певец в форме, если он поет, меня же тогда выпускали на сцену только в «кушать подано».

— Недавно в Генуе, в театре Карло Феличе, ГАБТ показал новую постановку оперы «Князь Игорь». Вы пели Ярославну и получили высокую оценку итальянской критики, которая отметила и красоту, «прозрачность» вашего голоса, и сглаженность регистров, и владение не только русской школой пения, но и итальянской...

— Весь коллектив с волнением ждал откликов на этот спектакль и был очень рад тому, что написали о нем итальянские газеты. Артисту необходим беспристрастный взгляд специалиста, а итальянские критики — признанные мастера своего дела, мою роль буквально разложили по полочкам. Муж читает по-итальянски и все мне перевел.

— А какие недавние события личной жизни считаете вы наиболее значительными?

— Переезд в новую квартиру. Мы много лет скитались по чужим углам. Даже общежитие Большого театра было нам долгое время недоступно — муж не имел московской прописки. Я уже полтора года работала в Большом, а Юра оставался в Кишиневе. С большим трудом обменяли двухкомнатную кишиневскую квартиру на крошечную комнатку в московской коммуналке.

— Сейчас новую квартиру могут позволить себе главным образом очень обеспеченные люди. Вы богатый человек?

— Нет. Просто дом этот строил-ся долго. Первый взнос — 7 тысяч

— мы вносили еще в 1987 году. По тому времени деньги немалые. Сейчас, когда муж приходит домой и говорит: «Как у нас хорошо», — я счастлива!

— Как влияет на ваше творчество то, что ваш муж, Юрий Семенович Удалов, — профессиональный певец, ныне артист хора Большого театра?

— Это мне очень помогает, я постоянно чувствую рядом его поддержку, его плечо. Да если бы не Юра — мне никогда не петь в Москве. Когда я в том роковом 1985-м приехала на прослушивание, мне нигде было остановиться. Ни в одну гостиницу устроиться не сумела и уже собиралась лететь ночным рейсом обратно в Ашхабад. Только данное мужу обещание не возвращаться, не показавшись в Большом, удержало меня от опрометчивого шага.

— А могли бы вы с Юрием Семеновичем и на сцене ГАБТа выступать как партнеры?

— Думаю, что да. Мне кажется, он не совсем удовлетворен своей нынешней работой, и я виню в этом себя. И потом, уверена, что Юра может петь сольные партии, ведь у него есть для этого все данные.

— У вас уже солидный семейный стаж — девятнадцать лет, и, наверное, есть, что вспомнить?

— Это верно. Однажды мой будущий муж спешил ко мне на свидание и попросил друга подбросить его на мотоцикле. Они неслись на большой скорости, когда лопнула задняя шина. Водитель понял, что не справится с управлением, и резко затормозил. Юра перелетел через руль, упал ничком и буквально «пропахал» лицом по асфальту. На свидание в таком виде он прийти, естественно, не решился — все лицо было как сплошная рана. И разыскала я его поздно ночью в городской больнице, узнала с трудом — врачи не пожалели зеленки для его внешности. Каждый день навещала я своего незадачливого кавалера, пироги для него пекла с яблоками и капустой. С тех пор они в нашей семье традиционны. А когда Юру выписали — мы сыграли свадьбу.

...Шла я на встречу с певицей, а познакомилась с творческой семьей, радующей нас своим высоким искусством. Порадуемся и мы за них и пожелаем себе почаще встречаться с людьми, сумевшими своим трудом добиться успеха в жизни.

Елена ЛИТОВЧЕНКО.

НА СНИМКАХ: Ирина Удалова в жизни и на сцене в роли Иоланты (Водемон — Юрий Удалов, ее муж) и Микаэлы в опере «Кармен», Хозе — Ю. Удалов.

Фото Ростислава ФЕДОРОВА.